

ОНА ПРОПИСАЛА УБИИСТВО

Зарезав супруга, заключенная стала находкой для московской сцены

2003 г. Зэчка перед премьерой во МХАТе.

На воле Ковалева пишет новую пьесу.

— Помоги, о мой голубой друг! — Евгения Добровольская в полосатой робе заламывает руки. Зрители рыдают. Вслед за “зэчкой по роли” на сцену выходит и драматург **Екатерина Ковалева**. Под конвоем. На ее запавших щеках тоже грим. Нелепый парик скрывает под собой “тюремный ежик” прически...

— За что вы сидите? — режет ухо выкрик из зала.

— Я убила мужа...

...Как, разве пьеса не окончена?

Три года назад на сцене МХАТа им. Чехова известная актриса Евгения Добровольская поставила сенсационный спектакль: автором драмы о несбыточной любви “Мой голубой друг” была реальная заключенная колонии в Орловской области.

...А пьеса и сейчас продолжается. Освобождение Ковалевой из-под стражи — антракт. И за ним — взлет на подмостки очередного московского театра.

На этот раз она все-таки написала убийство...

(Окончание на 9-й стр.)

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ

Ковалева неплохо владеет топором и в своей последней пьесе использует его как орудие убийства.

Сорокаградусный брак

Домик Ковалевой — под Серпуховом. Выглянул в окно: лес, поле, закаты, рассветы... Сплошное вдохновение для новой пьесы о проститутках!

— В лесное хозяйство меня пристроили: чиркаю пьесы и заодно дом охраняю, — Ковалева по старой привычке глотает из жестяной кружки чистую заварку. — Рай, говорит? А я вот лежу иногда — заснуть не могу. Тишину словила... На зоне ведь не бывает тихо даже ночью. Сто человек на хате: одни чифирятся, другие дерутся, третьи о любви шуршат... А здесь ни пса не слышно, даже мысли посещают: "Уж не скопытилась ли?" И ведь ни совесть, ни убитый муж не бережат. Может, и впрямь — рай, мать его за ногу?

А на тетрадный лист молча капаят слова, слова...

Первый срок Екатерине из-за мужа дали. Это второй уже за него, родимого... И странное дело: такое облегчение написано на лице женщины, которая совершила убийство. "Я благодаря этому себя нашла", — признается Ковалева.

Дражайшего своего супруга она откопала в одном тверском ресторанчике. Кафешка та находилась на первом этаже общаги для колхозных работников. Ковалева определилась в колхоз сразу после детдома: трактористкой припахали. И вот на праздновании победы в очередном коммунистическом соревновании к Кате подкатил так называемый кавалер. А ее, бедняжку, влюбляться в детдоме разве кто научил? Там она привыкла, что, если на кухне дежурить, лишнюю горбушку хлеба надо в карман убрывать... Вот и Толян ей вроде той горбушки показался: "Выходи, говорит, за меня. Смотрю на лицо: деревня... А сельские мужики, думаю, все по хозяйству умеют..." Махнула рукой Катерина и дала свой ответ: "Прощай, девицество!"

Между прочим, на собственной свадьбе жених твердо не пил.

— Только на следующий день после брачной ночи нажрался! — жалуется Ковалева. — Потом признавался: раньше боялся меня укусить, а жену ему твердо хотелось... Вкалывала я за двоих. Он же пропищал и наше добро, и то, что воровал... Водку на двоих делил: стопку в себя, вторую — дворняжке в пасть сливает. Ну и я к ним вскоре подключилась.

В таком ритме протекло 14 лет. Да вся жизнь бы, наверное, прошла, если бы Толян вдруг старшего сына к грязным делишкам не привлек: обокрали детсад, где их жена-мать сторожем работала.

— Естественно, я взяла вину на себя, чтобы Димке жизнь не ломать. Сели мы с мужем одновременно: ему четыре года втюхали, мне три. А после Можайской колонии я только детей под Тверью повилада и сразу в Смоленскую область поехала. Меня подружка с зоны там конюхом в одну деревню устроила.

"Я тебя простила, я тебя и убью"

Приехала Катя обживать новый дом на Смоленщине. Только опередили ее. Еще в сенях запах сена смешался с перегаром. Тревога комом застряла в горле. Проходит Ковалева в комнату, а там ее встречает... Толян. Через трехлитровую банку самогона просвечивает. Катерина только глянула — и бросилась вон из дома. Через всю деревню — на почту, звонить в Тверь, сестре неупутевого мужа: "Забирай своего алкаша и воруягу!" "Выгонись — обратно бандеролью пришлем", — услышала в ответ.

"Ненавижу тебя! Уходи! Я теперь женщин люблю!" — кричала Ковалева, хватая незнамого гостя за шкуру телогрейки. "По фигу мне, Катка, с кем спишь... Я-то кому нужен?" — упирался муж-пропойца. Поупирался и задремал.

— На следующий день радио продал... Прилип ко мне, как пиявка, и тянет последние соки... Как его выпрешь? — вспоминает Екатерина. — Опохмелился к вечеру... Я морковку чистила... Вдруг нож со стола хватает: "Я теперь вор в законе! Мы такие дела с тобой провернем..." Да хоть администрация завтра обчистит! А я думаю: "До завтра, голубчик, дожить еще надо..." Отняла "перо" и — чирик его лезвием поперек глотки...

Кончилось у бабы терпение. А прогнать от себя мужика у сироты от рождения Ковалевой духу не хватило.

Ей проще было его убить... — Хрипит Толян — кровь на горле пузырится... А я ему в рожу с таким облегчением плюнула и вышла из хаты. Стучусь к соседке: "Танька, открой, я мужика своего зарезала! Выпить бы..." Помянули мы Толяна. Потом я вернулась за вещами. В сторону стола не смотрела... Будто комара, а не мужа, прибила. И двинула — к ментам на поклон...

Малывы о сексе

Писать Ковалева начала по особой нужде — еще когда отбывала первый срок. В СИЗО она оказалась в "голой хате" — не было в ней общака с запасом чая и сигарет. Помощи со стороны ждать не приходилось: женщины обычно селили в камеру между "обиженкой" (с голубыми) и "малолеткой". Но если вдруг по соседству сидят мужики, то обе камеры только тем и занимаются, что целый день ковыряют алюминиевыми ложками "глазок" в бетоне.

— А в этот раз мужская камера была над нами, — вспоминает Ковалева. — И вот

ОНА ПРОПИСАЛА

они по веревочке между решетками малыву присылают: "Девчонки, расскажите о себе эротическую историю, а мы вам за это грив (алкоголь) подкинем".

Призадумалась Ковалева: про себя и Толяна ничего эротического не поведает. Зато на соседней шконке Варька раскинулась — ноги во все стороны. Сколько она бабла с ночных клиентов состригла — и не сосчитаешь. Одного за кошелек даже придушила. "Ну, вспоминай, шоболда, с кем кувыркалась!" — набросились на нее зэчки. Порозовели Варькины щечки, глаза мутной пеленой затянулись, и повалили воспоминания из розовых уст...

Так и родилась у Ковалевой первая повесть — порнографическая. Гонорар получила через час. Зэки расщедрились на бандероль и прислали охранника с пакетом продуктов.

"Хотим на тебя позирить. Перед прогулкой", — сообщалось в следующем письме. По пути на променад зэки растянулись вдоль всего коридора, так что надсмотрщицы оказались по разным его краям. Тут самые любопытные паханы и умудрились заглянуть через открытую "кормушку" камеры девушек. "Перед дверью развесила налитые груди опять же Варвара. Мне-то нечем позировать!" — смеется Ковалева.

Столичная штучка

— И в Шаховской колонии, куда меня на пять лет за Толяна уехали, я сразу своими рассказами прославилась, — гордится Екатерина. — А там для нас театр организовали. Короля Лира в татуировках публика восприняла на ура — настоящий пахан, несмотря на то, что был девушкой. Спектакль показали по телевизору, после чего к нам нагрянули столичные актеры, предложили для постановки современную американскую пьесу про двух путан. Там две героини о мужиках судачат. С жаргоном, со всеми подробностями. Ну, думаю, если это литература, и я такую "картину маслом" набросать могу... Показала свою пьесу этим же актерам. Через полгода на фестивале "Новая драма" по ней уже спектакль поставили!

"Ковалева, ходь сюда! — Афоня, начальник Шаховской колонии, широкой грудью продвигался по двору зоны. — Ты там какую-то х...ню написала? Вот твою писанку на сцене, во МХАТе по фамилии Чехова, будут играть. Главное, после — банкет. Так что едешь в Москву. Насчет шампанского — жируй... Все равно в зоне киряете..."

Зэчка в синем комбинезоне сантехника бросилась в барак к ВИЧ-инфицированным девчонкам. Им от роду лет по 18, все моднявые, как биксы.

— Где бабы, там сразу базар раскидывается, — говорит Екатерина. — Я им пачку чая и шоколадку... Бывшие наркоманки за сладкое последнюю юбку отдадут. "Девоньки, мне амба! Отъезжаю до столицы, прибрахлите!" — "По этапу, до ль?" А как узнали, в чем суть, сразу мне боты на огромном каблучке подобрали, дубленку на плечи повесили... На голову длинношерстный парик напялили. А на шею золотую цепу французскую...

Ковалева работала в лагере слесарем-сантехником и имела доступ к инструментам: "Из любого металла, даже из водопроводных труб, перстни делала на продажу". А в каждой камере-хате была своя "визажистка". "Рецидивистка по кличке Люба настрагивает серы со спичек, крепким чаем разбодяжит, все это прокипятит — и получается тушь. И хоть она на ресницах комками лежит, а каждая зэчка хочет красотой блеснуть — сигареты на это вареве только так обменивают".

При таком параде Екатерины Ковалева объявилась во МХАТе им. Чехова, где ставили ее пьесу "Мой голубой друг". Конвойные сначала подвели зэчку к афише, где мужеубийца прочитала свое имя, выведенное торжественным красным шрифтом. "Неужто я заслужила этот триумф, замочив Толяна?" — искренне удивилась драматург. В зале

На зоне каждая осужденная та еще актриса.

УБИЙСТВО

— Десяток малышей обступили меня со всех сторон... За штаны тянут, глаза на меня пучат... И вразнобой: "Па-па! Па-па!" Я Димку, сынишку своего, таким же коротышом вспомнила... Разводной ключ выронила — ой, реву! — вспоминает Ковалева.

Однако мужское обличье Ковалевой сбивало с панталыку не только несознательное население колонии. Но и дам, выдавших виды.

— Все ж по мужикам настрадались... — вздыхает Екатерина. — Бывало, бабы специально канализационную аварию организуют. Прибегу на вызов. Пока чиню парашу, меня со всех сторон чифирем и сигаретами угощают. Потом куртку надеваю, руки в карманы — а они полны бумаги. Баба лет по тридцать, а они в любовных письмах растекаться: "Кеша (кличку за инициалы дали. — Прим. авт.), я полюбила тебя не за красивые глаза...", "Что в имени тебе моем? Ты оцени груди объем...". Предложенный масса. Даже те зэчки, что в своих хатах королевы, обещают все блага мира... А ведь им многое дозволено: и алкоголь всегда есть, и даже кошечку или другую тварь держать под шконкой разрешают. Так получилось, что до зоны Ковалева не любила никогда. А тут у нее крышу сорвало: "Была у меня и манекенщица, которая соперницу маникюрными ножницами зарезала, и балерина-проститутка. Совсем молодые девчонки. Но самые страсти разыгрались между мной и девушкой, которую мы называли "грузинской мафией". Та за наркотики сидела".

Ночью на хате двухэтажные нары завешивались одеялами — в этих "гнездышках" ютились однополые супруги. Случалось, камера заливалась ярким светом, наполнялась криками: "Шмон! Шухер!" Но это был обыск особый. Стражи ходили по рядам и считали: под одним одеялом не должно было оказаться сразу четыре ноги.

— Бабы — народ истеричный: сначала милуются, а как ревность накатит — сразу дуэль. И такая жестокая — глаза друг другу выкалывают, — говорит Ковалева. — Секундантами на таких встречах были 60-летние рецидивистки. Их стаю называли "карательный отряд". Однажды ночью меня соседка будит: "Мафия" твоя разбушевалась!" Я сразу бегом в туалет — драки проходили лишь там и строго по ночам. А "супруга" моя бывшую наркоманку когтями рвет, ручку ложки о кровать наточила — и к ее горлу. Просто нашла у меня в кармане малыву от этой бедняги! Бабки только ставки успевают делать, кто кого одолевает...

Жестокой и непримиримой оказалась "грузинская мафия". "Набросится, как кошка... Целый год с ней порвать не могла — она

"Король Лир" пользуется большой популярностью в тюремных театрах.

Евгения Добровольская решила не только поставить спектакль, но и сыграть в нем уголовницу.

автору пьесы выделили почетное место в первом ряду. И вот Евгения Добровольская, которую Катя до этого видела только "по ящику", и то в лагерные "часы телеэфира", читает со сцены ковалевские белые стихи: "В мозгу изломы, в сознание схемы, Судьба в заплатках, заплаты в пятнах. Быть властелином непостижимым Не по плечу мне, я просто Баба". Зареветь бы во всю глотку... Ан драматургу не пристало сентиментальничать над собственным сочинением. И Ковалева боится шелохнуться. Только головой вертит. Реакции зала не слышно и не видно — парик съехал на глаза и лезет в уши.

Розовая мечта о голубом

Мало ли жизненных пьес разыгрывается на зоне? Однако Ковалева в своем произведении описала историю почти фантастическую: — Ее героиня так же, как и она сама когда-то, сидит в тюрьме между камерами с "голубыми" и малолетними преступниками, — говорит актриса Евгения Добровольская.

— И вот у зэчки Настюхи, убившей мужчину и признающей только однополую любовь, завязывается через решетку переписка с "опущенным" Вадимом. И от отчаяния, тоски и безысходности между людьми с изломленной психикой зарождается чувство... По плану Настю неожиданно отправляют в этап на колонию. Она прощается с Вадимом, а следом ее нагоняет весть, что сокамерники вскоре убили его. И с тех пор в тяжелые минуты она обращается не к Богу, а к своему "голубому другу"...

Чувства между геем и лесбиянкой, да еще в тюрьме, — ситуация из разряда редких, почти нереальных. Настолько же, насколько невозможна настоящая любовь на зоне.

А что еще могла написать зэчка? Только мечту о любви...

— На зоне все воздыхания существуют "до дверей", — говорит Екатерина. — И я поняла это на собственном опыте...

После премьеры жизнь стало легче. Ковалевой вместо жесткой тюремной юбки и робы выдали синий комбинезон и даже кепку. Самые тяжелые работы Екатерине приходилось производить в "корпусе мамаш", с которыми жили дети, родившиеся "за колючкой". Образ мужички малыши видели только в книжках про дядю Степу. И вдруг на пороге барака появляется дама-сантехник.

и убить грозилась. Только мое досрочное освобождение нас наконец разлучило", — говорит Ковалева.

Доярка с топором

В московском "Театре. Doc" нет декораций и костюмов. Никакой грим не спрячет реальную историю, которую проживают на сцене актеры. Вторая пьеса Ковалевой "Ну вот и приехали!" на этот раз почти автобиографическая. Премьера постановки должна пройти в ноябре: заявки получены от Театра на Таганке и Центра искусств им. Высоцкого.

— Пьесу Екатерины мне передал кинорежиссер, который познакомился с Ковалевой еще на первой постановке, — говорит режиссер новой пьесы "строгого режима" Ольга Лысак. — На этот раз Ковалева рассказывает зрителям об убийстве... Безвыходная ситуация подталкивает ее героиню взяться за топор и зарубить человека, мужчину... Ничего вам эта история не напоминает?

Екатерину Ковалеву отпустили из Шаховской колонии досрочно, через несколько месяцев после премьеры во МХАТе. Домой, в Тверь, она отправиться не решилась... Сыновья перестали писать ей сразу после того, как узнали, что мать сделала с их неупутевым отцом. И вот уже больше семи лет Екатерина не видела своих детей.

— Вышла я за ворота колонии... Куда податься? — говорит Ковалева. — Руководитель нашего театра дал мне адрес реабилитационного центра — деревню для социализации бывших заключенных в той же Орловской области. Ну я приехала туда, устроилась дояркой работать.

На бумаге — все как в жизни. Героиня пьесы "Ну вот и приехали!" Маринка тоже отсидела за убийство мужчины, тоже доит коров (в поселке "Лапти Ильича"). "Я себя хочу найти, а не мужа!" — сообщает она местному ухажеру.

— А реабилитация там фикцией оказалась, — признается Ковалева. — Председатель за каждый "кадр" хватается — работать некому. А вместо денег платит мешками с овощами и сахаром. Несут бывшие зэчки эти мешки местному самогонщику, тот выдает банки с бухлом, из того же сахара выкатят. Вот такой замкнутый круг...

Что лучше: тюрьма или этот ад? Об этом и задумывается героиня пьесы Маринка. О том же целый год размышляла в деревеньке под Орлом и сама Ковалева. Пока в монотонность сельской жизни не ворвалось событие...

...Откинулась с зоны молоденький маньяк, сидевший за изнасилование. И тут же снова на подвиги отправился — стучится в дом к героине пьесы доярке Маринке: "Открывай, сука! Я сейчас дверь вышибу!" Доярка берется за топор... "Сволочь, скотина, — пинает тело убитого, — чего вам всем от меня надо? Я жить хочу! Да когда же я жить начну нормально, по-человечески?"

...Откинулась с Шаховской колонии "грузинская мафия", сидевшая за наркотики. Постучалась в дверь к реальной доярке Екатерине Ковалевой. "Открывай, курва! С мужиком небось? Убью, если изменяешь!" — кричит остервеневшая зэчка. Ну что ж, вот и приехали! Вот там и любовь "до дверей"! Радушно впустила Ковалева в избушку бывшую возлюбленную, а сама — на двор. Мол, до коровника... И бросилась бежать в чем была — с одним целофановым пакетом и адресом знакомого "короля Лира" из того, первого, спектакля. Она-то ее и приютила в лесном хозяйстве под Серпуховом.

Значит, могла-таки ее новая пьеса закончиться иначе, без кровопролития?

Мария ЧЕРНИЦЫНА.